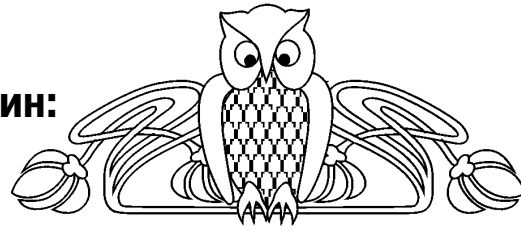

УДК 303.442:316.47

Социальная солидарность в обыденных представлениях мужчин: опыт качественного исследования

К. О. Сомхшвили

Сомхшвили Кристина Отариевна, старший преподаватель кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, skristina13@inbox.ru

Статья посвящена рассмотрению интерпретаций социальной солидарности. Социальная солидарность представляет собой сложный и противоречивый конструкт, определяемый одновременно и как объективно существующий факт, и как субъективно переживаемое чувство, как что-то способное появиться только в обществе и одновременно являющееся одной из его характеристик. В статье делается предположение о существовании отличных от уже рассмотренных в литературе представлений о социальной солидарности. В основе статьи – результаты эмпирического исследования, выполненного методом интервью. Информантами стали двадцать мужчин, которым задавались вопросы из трех блоков: определение социальной солидарности, практики социальной солидарности, основные характеристики социальной солидарности. Было зафиксировано, что социальная солидарность воспринимается как исключительно положительная характеристика или качество, трактуется как нечто «само собой существующее», проявляющееся на основе и через высказывания, взаимодействия и деятельность. Обязательным условием формирования и проявления солидарности является «повод», в качестве которого может выступать как позитивное, так и негативное событие. В ходе исследования было обнаружено деление информантов на две группы: первые говорили о возможности солидарности в однородных группах, обращаясь к солидарности между равными или схожими, вторые – о появлении солидарности там, где можно фиксировать различия. Одним из ключевых элементов стало определение границ социальной солидарности, а также классификация событий как солидарных или основанных на солидарности. По итогу были определены дихотомии, отраженные в обыденных представлениях, которые в дальнейшем могут быть трансформированы и использоваться в качестве измерителей в инструментарии количественного исследования.

Ключевые слова: социальная солидарность, теории социальной солидарности, обыденные представления, качественное исследование.

Social Solidarity of Men's Trivial Concepts: The Experience of Qualitative Research

К. О. Somkhisvili

Kristina O. Somkhisvili, <https://orcid.org/0000-0002-6051-3129>, Perm State University, 15 Bukireva St., Perm 614990, Russia, skristina13@inbox.ru

The article considers social solidarity and its interpretation. Social solidarity is a complex and contradictory construct, an objectively existing fact and subjectively experienced feeling at the same time. It is something what can appear in society and become its

characteristics. It is assumed that the ideas about social solidarity differ from those already considered in earlier. The results of the empirical research are obtained by means of interview method. Twenty male respondents were asked three blocks of questions: the definition of social solidarity, the practices of social solidarity, and its main characteristics. The research showed that social solidarity is perceived as an exceptionally positive characteristics reveling on the bases of words, interactions, and activity. The obligatory condition for formation and manifestation of solidarity is the reason which maybe positive or negative. The research showed the division of respondents into two groups: the first claimed about solidarity possibility in homogeneous groups appealing to solidarity among the equal and the like; the second insisted on solidarity existence among the different. The definition of social solidarity boundaries and classification of the events base on solidarity were the key elements. The results defined dichotomies reflected in trivial concepts which can be transformed and used as quantitative research instruments in further research.

Keywords: social solidarity, theories of social solidarity, everyday ideas, qualitative research.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-172-178>

В противовес тенденции атомизации современного мира идет процесс интеграции. На фоне кризисов и ускоряющихся темпов развития общества появляется необходимость в том, что позволило бы обществу оставаться целостным. В качестве такой связующей силы может выступить социальная солидарность, при этом она способна проявляться не только на микро-, но и на социетальном уровне на фоне необходимого совместного взаимодействия.

В первом приближении можно говорить, что тема социальной солидарности достаточно изучена. Она интересовала социологов на протяжении всего исторического пути социальной науки, привлекая к себе то больше, то меньше внимания. Так, классики социологии (Э. Дюркгейм¹, М. Вебер², Т. Парсонс³ и др.) предлагают прямые или косвенные способы классификации социальной солидарности, так или иначе определяя ее как естественную или естественно возникающую характеристику общества, которую можно выявить через социальные действия или социальные факты. Отечественные авторы (А. С. Хомяков⁴, П. Л. Лавров⁵, С. Л. Франк⁶ и др.) предлагают обратиться к эмоциональному переживанию солидарности. Солидарность рассматривается ими в качестве переживания некоторого чувства общности, изначально присущего каждому человеку. В целом и те и другие исследователи выдвигали различные основания для

определения границ и характеристик солидарности. В качестве основной линии изучения солидарности можно обозначить поиск оснований ее существования и определение ее роли в функционировании общества. Подтверждается особое положение солидарности: с одной стороны, она выступает как основа общества, необходимое условие его существования, с другой, как нечто, способное появиться только в обществе, в контексте определенных социальных отношений.

Изменение условий жизни и характера отношений между людьми порождает новые формы и проявления солидарности, она находит способы своего выражения через повседневные практики. Современные авторы при рассмотрении социальной солидарности чаще обращаются к определенным жизненным ситуациям, практикам солидарности или ее типологиям, сложившимся за счет изменения социальных отношений (М. К. Зверев и О. А. Кармадонов⁷, А. Н. Окара⁸, А. Б. Гофман⁹ и др.). Определение отталкивается не от самой категории социальной солидарности, а от оценки взаимодействия как солидарного или принятию за аксиому, что оно выражает солидарность. Рассматривая шире, можно предположить, что каждая практика так или иначе может быть разобрана на предмет поиска солидарности, что, в свою очередь, не дает целостного представления о солидарности и в совокупности описывает лишь различные ситуации ее проявления. Солидарность представляется как неопределенная характеристика, обязательно присутствующая во взаимодействии людей, а условия взаимодействия начинают ее описывать.

Таким образом, теоретические подходы не дают возможности формирования полного представления о социальной солидарности в современном мире, они, скорее, могут рассматриваться как ограниченный круг инструментов для ее определения и изучения, оставляя открытым вопрос об оценке уровня солидарности и ее характеристиках на сегодняшний день. Кроме того, теоретические разработки представляют, скорее, общее представление о причинах и моменте возникновения солидарности. А современные прикладные исследования, при попытке взять их за основу, любое взаимодействие могут определять как солидарность.

Неопределенность сохраняется и при обращении к словарям. Определения слова «солидарность» даются через широкий перечень понятий – от «единства» до «деятельного сочувствия». Сама категория социальной солидарности и обозначение ее границ остается достаточно спорным вопросом. Основываясь на классических и современных подходах, можно говорить о солидарности как о сложном конструкте, включающем в себя объективные действия и субъективные переживания и оценки.

В рамках научного описания солидарности мы видим две ее стороны. С одной – речь идет

о реальных практиках и формах проявления совместной деятельности людей, с другой – об эмоционально переживаемых, субъективных оценках. При этом сама солидарность может представлять собой объективную взаимосвязь и субъективную сплоченность, которая основана на понимании единства взглядов, норм, ценностей и целей и носит деятельный характер. Или как система функционирования индивидов в пределах их совместных действий, основанных на разделяемых целях, ценностях и нормах, включающая в себя внутреннее чувство единства и внешние его проявления по определенному поводу. Данный конструкт является теоретическим и основан на предыдущем опыте изучения солидарности. Он отталкивается от возможности интерпретации действия как солидарного, а не от понимания самой солидарности. У нас есть представление о солидарности, но оно не подкрепляется знанием о ее интерпретации. Именно это приводит к необходимости изучения интерпретаций солидарности, которые существуют сегодня в сознании индивидов.

Рассмотренные ранее подходы к пониманию социальной солидарности представляют собой либо общетеоретические конструкты, отвечающие на вопрос о том, когда возникает и какой бывает социальная солидарность, при этом сохраняется привязка ко времени жизни авторов, сам же феномен подвижен, либо работу с ситуациями солидарного поведения, что не дает целостной системы показателей. Таким образом, не через характеристики идет определение события как солидарности, а событие изначально определяется как таковое, что создает спор в определении солидарности. Солидарностью становится все то, что так кем-либо называется. Происходит отбор событий, отражающих взаимодействие людей по определенному поводу, оно, по мнению самих участников или стороннего наблюдателя, определяется как акт солидарности, и только после этого происходит действительно подробное описание, а значимые характеристики события переносятся на солидарность как явление. Это, с одной стороны, дает разнообразие феномену, с другой – любое совместное действие позволяет рассматривать как солидарность. Здесь проявляется отсутствие соприкосновения переживания солидарности и ее научного определения. Оказывается спорным вопрос о возможности работы с социальной солидарностью как с категорией, описывающей общество.

Отсюда целью настоящего исследования является поиск определений и характеристик социальной солидарности в обыденных представлениях современных россиян. Необходимо установить достаточность существующего на сегодняшний день способа интерпретации социальной солидарности и его соответствия жизненному миру индивидов.

Определение того, как солидарность представляется и переживается индивидами, должно помочь не только в расширении границ понимания изучаемого феномена, но также в поиске способов измерения солидарности.

В рамках исследования одним из пунктов является поиск новых интерпретаций социальной солидарности, что закономерно ведет к использованию качественной традиции. Методом сбора данных выступило неструктурированное интервью. Информантам было предложено высказать мнение по поводу социальной солидарности, привести примеры и дать определение. Важным было фиксирование тех характеристик, которые отмечались как значимые, а также форм и практик солидарности.

В исследовании приняли участие 20 мужчин в возрасте от 24 до 35 лет, характеризующихся различным типом занятости. Среди опрошенных были представлены следующие категории: безработные, самозанятые, наемные работники, занятые на различных позициях в частных и бюджетных организациях. Обращение в рамках исследования к молодым мужчинам обусловлено их высокой включенностью в систему социального взаимодействия. Они представляют различные жизненные ориентации и отвечают требованию формирования группы. Основным критерием отбора стало требование наполнения выборки, а в качестве метода выступил интенсивный отбор.

Методом обработки данных выступило открытое кодирование. Оно позволяет сохранить ответы информантов и работать непосредственно с ними, не подвергая их процедуре сжатия до контекстов¹⁰. Впоследствии для удобства представления логики повествования были составлены схемы интервью, на которых была отражена не только информация непосредственно по определению солидарности, но также порядок изложения и переход между микротемами, так как при едином вопроснике порядок вопросов отличался. Респонденты переходили к разным аспектам социальной солидарности уже после первого вопроса.

Определение форм и практики социальной солидарности на материалах интервью. Первой темой является подбор антонимов или ассоциаций для определения значения социальной солидарности. Респондентам предлагалось отыскать ассоциации, которые у них возникают при словосочетании «социальная солидарность». Это не только позволяет рассмотреть, какие первые ассоциации возникают при упоминании о социальной солидарности, но и дает информацию для дальнейшего построения диалога. Ассоциации, полученные в ходе исследования, можно поделить на две большие группы: ассоциации идентификации и ассоциации переживания или проживания. Так, солидарность предлагается идентифицировать с «большим

скоплением людей», «символами, обозначающими этих людей», «одна социальная группа», «разные социальные группы», «разные классы внутри общества», «толпа», «солидарность трудящихся», «профсоюз», «сообщество», «команда». Следует обратить внимание, что в качестве критерия идентификации есть две диаметрально противоположные позиции: солидарность рассматривается, с одной стороны, как возможная характеристика только для однородных по положению в обществе групп, т. е. она строится на сходстве и необходимости поддержания «такого же как я», с другой – в качестве необходимого условия существования общества, так как ее миссия в объединении различных, а зачастую попросту противоположных групп. Также отмечается, что солидарность – это категория, скорее, прошлого, даже советского прошлого, чем сегодняшнего дня: *...это слово всегда несет в себе какой-то некий контекст старых годов где-то начала двадцатого века...* (безработный, 29 лет). Современное общество характеризуется как слишком неодинаковое и разобщенное.

Ко второй группе относится описание характеристик солидарности с точки зрения ее переживания: «чувствуют себя едиными», «единство», «согласие», «сопереживание», «взаимопомощь», «совпадение мнения», «устойчивая социальная связь», «как говорят многие, так говорю я», «согласие», «консенсус», «товарищество», «кооперация», «поддержка», «взаимопомощь», «взаимовыручка», «общность», «схожесть», «совместная деятельность», «терпение», «совместные действия». Эти характеристики относятся к эмоциональному и действительному проявлению отношений между людьми и оснований их проявления. Также важно, что все эти, в том числе проживаемые, характеристики имеют явно позитивную окраску в контексте речи информантов.

В повседневной жизни можно встретить выражение «я солидарен». В интервью такую формулировку опрошенные объяснили как выражение согласия или поддержки. При этом мы получаем некоторый континуум согласия, где действительно значимыми и ценными будут две крайние позиции: полностью согласен и полностью не согласен, принятие или непринятие точки зрения, взглядов другого. Однако возникает вопрос, достаточно ли просто быть согласным или это согласие должно подкрепляться определенными действиями, чтобы мы могли рассматривать согласие и солидарность как категории, описывающие один феномен? Исходя из ответов на вопросы интервью, можно выделить следующие показатели согласия как солидарности:

- 1) быть, по крайней мере, не против;
- 2) быть солидарным – это не только сказать, но и мыслить солидарно, разделять определенные взгляды и представления. При этом не подразумевается активной трансляции своей позиции;

3) согласие, выраженное в непосредственном действии;

4) согласие и поддержка – это две характеристики солидарности. Согласие при этом предполагает отсутствие действия, а поддержка представляет собой деятельность.

Также можно говорить о двух ориентациях в определении социальной солидарности: тяготение к рассмотрению ее на уровне личной ответственности или, наоборот, тяготение к рассмотрению как проявляющееся только в совместном взаимодействии и совершении определенных действий. Кроме того, обращалось внимание на отличие того, что такое солидарность и как ее должны воспринимать другие. При этом возникали трудности с выбором именно первого слова, которое идет после «это», что может говорить об отсутствии четкого представления границ солидарности. Давая определение, зачастую было проще перейти на конкретные примеры, нежели подбирать нужное слово.

Зачастую, не задумываясь о реально складываемом послыле, мы говорим такую фразу, как «мы/я солидарны/ен с...», при этом имея в виду достаточно расплывчатый набор случаев. Можно поставить под вопрос, а солидарность ли имеют в виду при такой постановке вопроса? Также можно встретить выражения «мужская солидарность» или «женская солидарность», что в действительности предполагает наличие разделенных интересов или процесса мышления, характерного для общностей, имеющих преимущественно деление по признаку пола. К такому способу объяснения прибегали несколько респондентов, однако сами же отмечали, что это устоявшееся выражение: *...примеры солидарности. Далеко ходить не надо, женская солидарность, женщины всегда поддерживают женщин. Мнение может даже как бы не особо касаться, но ведь надо поддержать* (инженер-конструктор, 29 лет); *Когда говорят: журналистская солидарность, мужская солидарность там. Я его поддержал потому что он тоже мой коллега* (журналист, 30 лет).

Что на самом деле подразумевают люди, используя категорию «солидарность», какие поведенческие конструкты они с ней соотносят и как сами ее идентифицируют? Какие события реальной жизни могут подходить под это определение? На каком уровне происходит узнавание и трактовка солидарности? Эти и многие другие вопросы встают при попытке соотнесения результатов исследований и представлений ученых. Действительно ли то, что мы как исследователи предлагаем использовать для описания и работы с социальной солидарностью, именно так и переживается людьми?

Вопрос «Что имеют в виду, когда говорят: я солидарен?» вызывает мгновенную реакцию: «я согласен», – так отреагировали практически все респонденты. Само же это согласие оказывает

отнесенным не только к разным ситуациям, но и вообще принимается как существующее в разных границах. Так, например, это может означать принятие точки зрения другого такой, как она есть, быть *по крайней мере, не против. Пассивное согласие; уважать традиции других людей; думать так же* (журналист, 30 лет). При этом опять проявляется тяготение только уже не к двум полюсам, а к трем точкам на континууме доверия. Первая: не выражать несогласия, т. е. дать внутреннюю оценку тому, с чем ты солидарен или нет, но не выходить за пределы этой личной оценки. Вторая: обозначение своей солидарности, т. е. *Молчаливое согласие – не солидарность. Нужно проговорить, обозначиться* (продавец-консультант, 26 лет). Речь идет о трансляции своей позиции, назывании себя и отнесения к тем или иным взглядам и идеям, оно выражается в согласии с идеей. Третья: не только называться, но и принимать активное участие, совершать действия, позволяющие идентифицировать участников как солидарных. Здесь говорится о помощи и взаимопомощи, взаимодействии для достижения определенных результатов, при этом само это взаимодействие ограничено кругом социально значимых вопросов. Пример высказывания: *Социальная солидарность. Сбор вещей в детдом, кормление нищих, сбор чего либо животным и так далее... солидарность – это содействие* (продавец-консультант, 26 лет).

Обращаясь к примерам социальной солидарности, можно разделить их по уровню, характеру включенности действующих субъектов и их количеству. Можно это представить в виде пересекающихся осей координат, где вертикаль – количество участников, а горизонталь – масштаб события. Все примеры социальной солидарности могут быть рассмотрены как ее практики или некоторые события, при этом обращаясь к описанию события вообще, как типичного случая, подразумеваются одна–две реально существовавшие ситуации. Один и тот же пример может быть применен как на уровне межличностных отношений, так и на уровне массового социального явления.

Так, в качестве примера социальной солидарности был назван футбол: *Футбол – то, что нас объединяет. Это большая игра, любовь. Мы его любим, мы в него играем, говорим о нем* (сотрудник ФСИН, 27 лет). При этом отражены три параметра: действие, по которому мы идентифицируем (любим и играем), значимость (большая игра) и характеристика как объединяющей силы (нас объединяет). Подобная схема накладывается и на другие названные практики социальной солидарности. Уважение традиций других («уважаю», «для меня важно» и «мы»). Уступать место в автобусе. Так, например: *уступить место – так принято и правильно; все так должны поступать* (журналист, 30 лет). При этом даже то, что опре-

деляется законодательством или нормами морали, интерпретируется как свое собственное.

Сложности начинают возникать при приведении примеров, так или иначе связанных с политической сферой. Выборы, митинги, демонстрации и т. д. также подходят под описание из трех составляющих, именно они и встречаются чаще всего. Но на фоне того, что вначале солидарность определяется как позитивно окрашенная категория, ее проявление в событиях, носящих негативно воспринимаемый характер, становится спорным, к чему приходят и сами респонденты. Это выражается в попытках избегания примеров или их оценки. В итоге мы получаем ситуацию, когда в представляемом правильном мире, мире определений это действительно примеры солидарности, а в реальной практике, с которой люди сталкиваются в жизни, – это солидарности, ограниченная множеством условий. У солидарности появляется на этом этапе характеристика – осознанность. Именно понимание действий и их последствий приводится как основное свойство. Но ничего не говорится о соответствии этого понимания реальной ситуации.

Еще одной группой примеров солидарного поведения являются ожидаемые реакции, основанные на стереотипах. Приводятся примеры о поддержке в группах по полу, профессиональных сообществах, мировоззренческих общностях. При этом ранее, когда давались определения социальной солидарности, можно было выделить два направления: первое – солидарность возможна только в гомогенных группах, второе – солидарность возможна как в гомогенных, так и в гетерогенных группах, именно похожие или одинаковые взгляды, принятие определенного порядка дают возможность проявления солидарности. Также важно отметить, что как в случае гомогенности, так и гетерогенности определяющим является не номинальное отношение к одной из групп, а идентификация себя как члена общности, обладающего определенными характеристиками. Одной из важнейших характеристик для отмечающих гомогенность как условие солидарности является схожий жизненный уклад, понимание проблем как идентичных тем, с которыми сталкиваются в повседневности: *...какая-то группа, которых объединяет одна проблема, допустим сообщество алкоголиков. Когда они понимают, что нужно избавляться от алкоголизма, они идут в свое сообщество, собираются. И они там друг друга поддерживают: «вот я не пил, там, два года, три года». Что-нибудь такое (программист, 25 лет); Социальная солидарность. Согласие с какими-то социальными группами. Схожими с твоей. Ты бедный, видишь там бедного, тоже там ему монетку положишь. Все в таком духе. Какое-то согласие, понимание того, в какой роли находится человек того же социального статуса, что и ты (журналист, 30 лет).*

Чем выше уровень общности, для которой мы рассматриваем солидарность, тем более глобальной должна быть причина («повод»). При этом она должна быть ограничена и реально восприимчива. В качестве той силы или того специфического фактора, который может сплотить общество, называется объединение против общего врага. В качестве примера же приводится Великая Отечественная война как событие, на фоне которого проявилась социальная солидарность целого общества. По аналогии можно предположить, что борьба с голодом, экологические катастрофы и другие мировые проблемы должны определять появление солидарности. Однако ни в одном из интервью это не прозвучало. Так же в случае с войной солидарность как бы противопоставляется ей.

Таким образом, можно отметить специфичную логику, которая прослеживается в каждом интервью. Первое, на что реагируют информанты, – это само словосочетание «социальная солидарность»; далее делается попытка определить свое положение относительно данной характеристики. Несмотря на то, что зачастую солидарность характеризуют как устаревшее понятие, (*это что-то рабоче-крестьянское* (зам. директора организации в лесопромышленной отрасли, 30 лет)), опрошенные приходят к выводу о ее существовании сегодня и предлагают свою картину солидарности.

Социальная солидарность оказывается изначально определяемой как исключительно положительная характеристика или качество. Солидарность не может быть рассмотрена в негативном ключе, а все, что может характеризоваться как негативное, не является солидарностью и противопоставляется ей.

На следующем шаге происходит насыщение самого понятия. Ему дают характеристики (без выхода за пределы позитивных) и соотносят с реальными ситуациями. Так, солидарность становится необходимым условием этих случаев. Однако возникает вопрос о том, как же эта социальная солидарность должна проявляться, когда она существует? С этого момента можно выделить различия, которые отражаются прямой линией от мысли до действия. Но таких линий может быть как минимум две. Первая будет строиться на том, что каждый следующий уровень представляет собой отрезок от начала (началом будем считать мысль) и до соответствующей степени выраженности. А вторая будет представлять набор точек с фиксированным местом относительно друг друга. Первый случай не предполагает действия без мысли, второй же, напротив, – дает возможность такому существованию.

Отсюда возникают две шкалы измерения солидарности: шкала, по которой можно определить положение индивида на континууме от полной солидарности до ее полного отсут-

ствия, и шкала с накоплением выраженности солидарности.

Дальше становится необходимым различение, отделение «солидарности» от «не солидарности». Оно может происходить через выделение определенных событий, которые понимаются или нет как солидарные, или через выдвижение требований к солидарности. В действительности и первое, и второе в сумме дают именно набор маркеров-определителей, в каком случае перед нами пример социальной солидарности, а в каком – что-то похожее на нее, но ею не являющееся. После рассмотрения случаев проявления солидарности происходит возврат к определению, однако оно дается таким образом, чтобы все ранее сказанное становилось действительно солидарностью. Определяются точки отсчета и наборы требований к идентификации солидарности. Корректировка понимания происходит за счет смены самого определения, указания на отдельные аспекты события, в которых есть солидарность, или признания события как одной из форм солидарности.

Необходимость солидарности не проявляет себя в открытом высказывании, скорее, она воспринимается как само собой разумеющееся. Не стоит вопрос о том, что нужно для появления солидарности, и нужна ли она вообще, скорее, она существует. Мы же можем только выделять ее при ярких проявлениях.

Социальная солидарность, с одной стороны, обладает указанным набором необходимых характеристики, с другой – представляет собой набор континуумов, местоположение на этих континуумах в дальнейшем может служить основанием для характеристики уровня солидарности как высокого, среднего или низкого.

Сами континуумы представлены следующими полярными положениями: солидарность «внутри» субъекта («если я думаю, что солидарен, то я солидарен») или солидарность во взаимодействии («я солидарен, когда включаюсь во взаимодействие»). Это поддерживается континуумом «соглашаться с позицией» и «активно участвовать». Также, говоря о солидарности, для иллюстрации можно обращаться к стереотипам (мужская, женская, европейская солидарность) или к событиям (солидарен по поводу или во время). Здесь определение солидарности дает континуум от действия по инерции, до продуманного решения. Солидарность может представляться как осознанная поддержка или осознанная деятельность. В качестве событий, порождающих социальную солидарность, можно выделить негативные и позитивные.

Таким образом, можно говорить о существовании отличных от обсуждаемых в рамках научного дискурса имплицитных теорий социальной солидарности. С одной стороны, они, как и классические подходы, предлагают список критериев, выраженность которых свидетельствует о наличии или отсутствии солидарности,

что потенциально может быть использовано в качестве критериев оценки уровня солидарности. С другой стороны, солидарность, признаваясь всегда так или иначе существующей, приобретает исключительно позитивную коннотацию. При этом сами события, с которыми связано проявление солидарности, таковыми быть не обязаны.

В определении солидарности значимую роль играет выбор достаточного условия. Так, в рамках одних взглядов для солидарности достаточно проявления эмоционального участия, разделения чувств или взглядов той или иной группы, другая точка зрения для определения солидарности требует существования действия. При этом действие должно быть направленным и осознанным, только если оно совершено и действующий субъект (действующие субъекты) предполагает возможные последствия. И в том и в другом случаях социальная солидарность требует повода. При обращении к масштабу участников минимальным условием в одном случае является каждый отдельный человек, в другом отсчет начинается с двух людей, при этом верхняя граница обозначается как слабо достижимая, но возможная при наличии ярко негативного или позитивного события.

Выявленные характеристики социальной солидарности могут в дальнейшем стать основой разработки инструментария исследования в количественной традиции, предложить систему показателей оценки состояния солидарности в обществе.

Примечания

- 1 См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана ; примеч. В. В. Сапова. М. : Канон, 1996.
- 2 См.: Вебер М. Избранное. Образ общества : пер. с нем. М. : Юрист, 1994.
- 3 См.: Парсонс Т. Понятие общества : компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 94–122.
- 4 См.: Хомяков А. С. Церковь одна. М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001.
- 5 См.: Лавров П. Л. Исторические письма 1868–1869 // Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения : в 2 т. М. : Мысль, 1965. Т. 2.
- 6 См.: Франк С. Л. Духовные основы общества. М. : Республика, 1992.
- 7 См.: Кармадонов О. А., Зверев М. К. Консолидация российского общества : потоки и преграды. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012.
- 8 См.: Идеология и философия солидаризма : материалы постоянно действующего научного семинара. Вып. 9. М. : Научный эксперт, 2010. URL: http://rusrand.ru/files/13/07/26/130726022542_Gum_nauka_vyp_9.pdf (дата обращения: 20.04.2018).
- 9 См.: Гофман А. Б. Социальная солидарность – пробуждение социологической идеи // Социология и обще-

ство : глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV ВСК. М. : РОС, 2012. URL: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/Part1.pdf> (дата обращения 20.04.2018).

¹⁰ См.: *Страусе А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования : обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и послесл. Т. С. Васильевой. М. : Эдиториал УРСС, 2001.

Образец для цитирования:

Сомхивили К. О. Социальная солидарность в обыденных представлениях мужчин: опыт качественного исследования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 172–178. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-172-178>

Cite this article as:

Somkhishvili K. O. Social Solidarity of Men's Trivial Concepts: The Experience of Qualitative Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 172–178 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-172-178>
